

Ицхак Каценельсон

Izchak Katzenelson

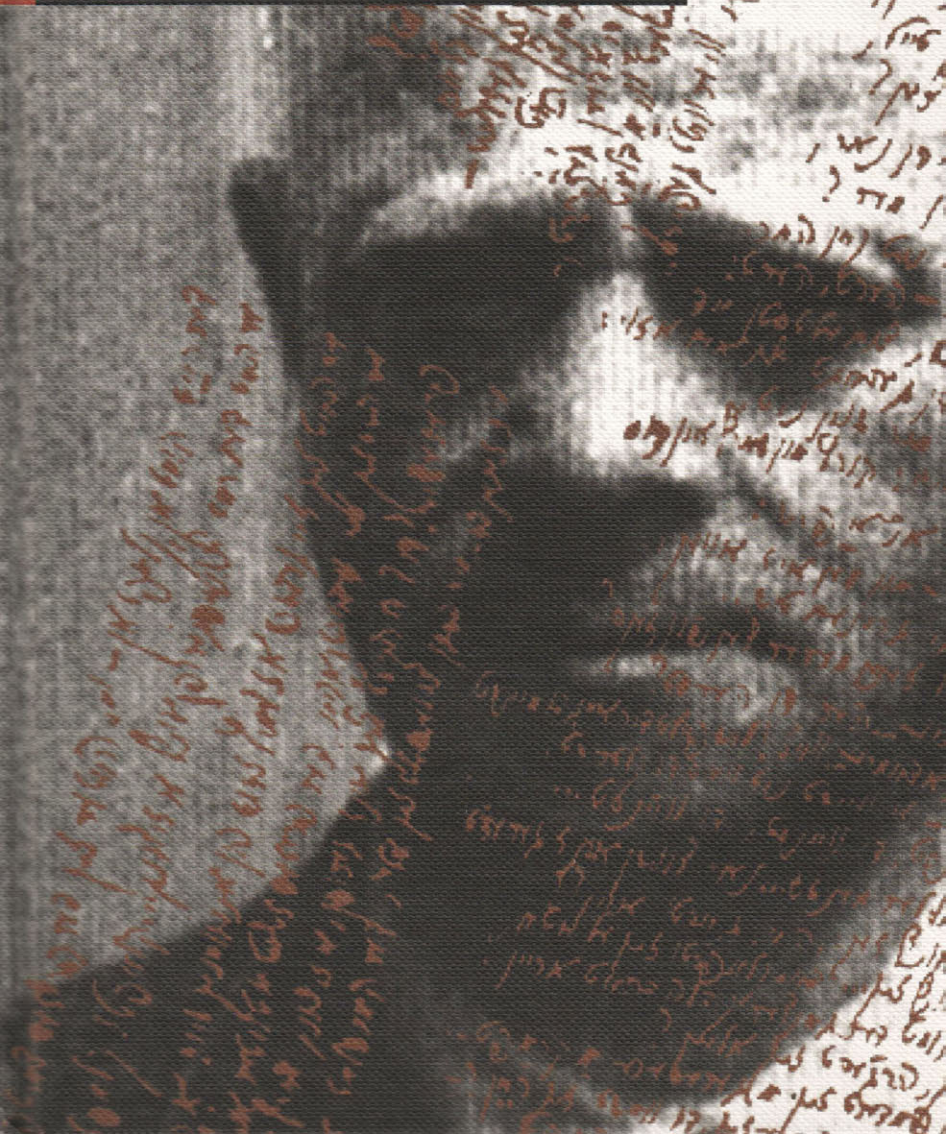
Сказание

Das Lied

об истребленном
еврейском народе

van 'n oisgehargetn

jidischn voik

Jizchak Katzenelson

Ицхак Каценельсон

Ицхак Каценельсон

**Сказание
об истребленном
еврейском народе**

Jizchak Katzenelson

***Dos lied
vunem ojsgehargetn
jidischn volk***

“ ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ”

МОСКВА 2000

ББК 84(0)6
К 12

Выход этой книги стал возможным благодаря участию
Artur Brauner, Berlin
Moritz Gertler, Frankfurt
Celina Kowalsk , Berlin
Arno Lu t ger, Frankfurt
Leon Reich, Frankfurt
Rafael Roth, Berlin

Каценельсон Ицхак

К 12 Сказание об истребленном еврейском народе *Dos
hed vunem ojsgehargetn jidischn volk* Пер. Е. Г. Эт-
кинда под ред. Ш. Маркиша; Лат. транскрипция, ст.
и коммент. А. Лустигера; Ст. В. Бирмана. М.: Язы-
ки русской культуры, 2000. 240 с.: ил.

ISBN 5 7859 0107 2

Поэт Ицхак Каценельсон родился в 1886 г и погиб в мае
1944 г. в Освенциме. В конце 1945 г поэма была впервые
опубликована в Париже на идиш. В поэме безусловность и не
посредственности дневника сосуществует с эмоциональной не
отраимостью искусства. Вся она достоверное свидетельство
человека, испытавшего каждую леденящую кровь деталь своего
изложения

ББК 84(0)6

*В оформлении издания использована
фотография из книги The Warsaw
Ghetto: The 45th Anniversary of the Upris-
ing Interpress Publishers Poland. 1988*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095
246 20 20 c/o M153, E-mail: koshelev ad @mtu net ru), the Danish
bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail
slavic @gad.dk) has exclusive rights for sales of this book

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме изда-
тельства «Языки русской культуры», имеет только датская
книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0107-2

9 785785 901070 >

- © Е. Г. Эткинд Перевод на рус. яз , 2000
- © А. Лустигер. Статьи и комментарии,
2000
- © В. Бирман. Статья, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

О г л а в л е н и е

Об авторе и его поэме	7
От переводчика	9
И. Каценельсон.	
Сказание об истребленном еврейском народе (Dos lied vumem ojsgehargetn jidischn volk)	13
А. Лустигер.	
Примечание к поэме Каценельсона и ее фонетической транскрипции	191
А. Лустигер	
Комментарии к тексту поэмы	194
А. Лустигер.	
Еврейское сопротивление нацистскому режиму	201
В. Бирман.	
Ицхак Каценельсон, еврей	213

Об авторе и его поэме

Ишхак Каценельсон родился около Новогрудска (Минская обл.) в 1886 году. Первое стихотворение сочинил в 12 лет, в 1898 г., под впечатлением процесса Дрейфуса («Дрейфус и Эстерхази»). Первая книжка его стихов на иврите «Димдумим» (Сумерки) вышла в 1910 г. В 1912 г. он основал в Лодзи театр «Хабима Ха-иври» (Еврейская сцена), поставивший пьесу Гуцкова «Уриель Акоста». Этот спектакль был показан во многих городах России.

Перед началом войны Каценельсон основал целую сеть еврейских школ в Лодзи. Он женился на своей секретарше Хане в 1926 году.

В 1937 году в Лодзи вышли в свет три поэтических сборника Каценельсона, иллюстрированные художником Барчинским (см. о нем в поэме).

1 сентября 1939 г. немцы напали на Польшу. Три недели спустя Каценельсон переехал в Варшаву с семьей (жена, трое сыновей). 4 декабря гаулейтер Лодзи Грейзер объявил о том, что Лодзь должна быть очищена от евреев («юденфрей»), так как она присоединена к Германии под названием Лицманштадт.

12 октября 1940 г. объявлено создание Варшавского гетто; евреи должны сами нести расходы на построение стены вокруг гетто; длина стены 18 км, высота 3,5 метра. 22 июля 1942 г. евреев начали депортировать из Варшавского гетто в Трешлинку, где за год — до 2 августа — уничтожено 875 000 человек.

23 июля 1942 г. кончает с собой председатель варшавского Юденрата Адам Черняков; его предсмертная записка гласит: «Они требуют от меня, чтобы я своими руками уничтожил детей моего народа. Мне ничего не остается, как умереть». (О его смерти см. в поэме.)

14 августа 1942 г. Хана Каценельсон с двумя сыновьями депортирована в Трешлинку. 6 сентября на ул. Мила немцы провели последнюю «селекцию»; из гетто были депортированы в Трешлинку 300 000 евреев. В гетто осталось около 65 000.

18 января 1943 г.— первое восстание Варшавского гетто; после четырехдневных боев Гиммлер издал приказ: ликвидировать Варшавское гетто и отправить всех жителей в лагеря. 19 апреля началось второе восстание; бои длились 27 дней. У немцев были танки, у евреев почти одни только пистолеты. 16 мая СС объявило о конце боев и окончательной ликвидации еврейского района Варшавы. Весь район гетто был сожжен. Погибло более 65 000 евреев.

Во второй половине мая Каценельсон и его сын Цви, которого руководители восстания 20 апреля сумели вывезти из гетто с заданием — написать историю восстания,— были перевезены в лагерь на территории Франции, в г. Виттель. У Каценельсона был фальшивый латиноамериканский паспорт, и он надеялся, что его обменяют на каких-то немцев.

С 3 октября до 18 января Каценельсон пишет в Виттеле «Сказание об истребленном еврейском народе».

18 апреля 173 еврея были депортированы из Виттеля в Дранси, и оттуда — 1 мая 1944 г.— в Освенцим. Два дня спустя они погибли в газовой камере. Среди них были Ицхак и Цви Каценельсоны.

В августе 1944 г. Мириам Нович откопала под деревом в Виттеле три бутылки, содержавшие рукопись поэмы Каценельсона. В конце 1945 г. поэма была опубликована в Париже на языке идиш.

От переводчика

Книга Ицхака Каценельсона «Сказание об истребленном еврейском народе» (окт 1943 — янв 1944) появилась в Германии в 1994 году, вышла она на двух языках. в оригинале, на идише, и в переводе Вольфа Бирмана по-немецки Текст на идише напечатан в латинской транскрипции с многочисленными рукописными примечаниями — лингвистическими, реальными, историческими Таким образом, я мог беспрепятственно его читать. Начав, я был не в состоянии ни остановиться, ни даже отвлечься поэма затягивает, будоражит все чувства, ошеломляет, потрясает

За более чем полвека об истреблении евреев, об Освенциме и Трешлинке написаны тома воспоминаний и исследований, об этом снят документальный фильм Жака Ланцмана «Шоа», создано стихотворение Пауля Целана «Фуга смерти» Называю только важнейшие документы и свидетельства проклятой эпохи, сатанинских лет гитлеризма, когда германская нация была сведена с ума несколькими фанатиками-демагогами и превратилась в многомиллионную банду садистов, вандалов, убиц. Пишу эти строки и сознаю, что нет никаких слов — ни на одном человеческом языке,— чтобы назвать людей тридцатых-сороковых годов, которые с неправдоподобной систематичностью уничтожали других людей,— от новорожденных младенцев до глубоких стариков Несмотря на усилия множества историков, философов, беллетристов, социологов, поэтов, мы так и не поняли, как соотечественники и наследники Гете, Рильке, Моцарта, Шуберта, Гегеля могли с воодушевлением призывать к уничтожению Гейне, Мендельсона, Малера, Ханны Арендт, Целана. И не только призывать, но и физически истреблять евреев всей Европы. Может быть, самая убииственная книга, созданная об этом,— опубликованный в Германии в конце девяностых годов дневник Виктора Клемперера, профессора Дрезденского университета по французской литературе, апологета немецкой культуры и хранителя немецкого языка Клемперер изо дня в день повествует (обращаясь не к читателям, а только к самому себе) о постепенном вытеснении евреев из Германии — оно начинается с запрета про-

фессору-еврею задавать вопросы студенту-арицу, с запретов еврею печатать на машинке и даже владеть таковой, держать домашних животных и птиц, ходить по левой стороне улицы, брать книги в библиотеке и даже перелистывать их в читальном зале, оно кончается депортацией и смертью в газовой камере Виктор Клемперер чудом остался жив, чудом сохранился дневник, опубликованный его близкими через почти пятьдесят лет; этот дневник — феноменальный документ времени и памятник мужеству человека, который отнюдь не был героем.

Ценность дневника — в его абсолютной непосредственности он не имеет никакого отношения к литературе, он только закрепляет события в набегавших словах, не догадываясь о будущем. Мы бедны словами: глагол «читать» относится одновременно к роману, стихам и дневнику. А ведь имеют место совершенно разные психологические процессы: читая роман, мы следим за жизнью придуманных персонажей, постоянно зная, что они — плод писательского воображения; читая дневник, мы живем вместе с его автором, замещаем его, невольно отождествляем себя с ним. Читая стихотворение, мы заражаемся художественной эмоцией поэта, мы вместе с ним творим гармонию. После того как я, с бессонницами и головной болью, пережил двенадцать лет жизни Виктора Клемперера, я долго не мог заставить себя вернуться к другому чтению, к восприятию романов: дневниковая достоверность убивает всякий интерес к писательскому воображению; может ли роман соперничать с реальностью?

* * *

В поэме Ицхака Каценельсона безусловность и непосредственность дневника сосуществуют с эмоциональной неотразимостью искусства. Все то, о чем еврейский поэт пишет в своем «Сказании...», он пережил сам. Рассказано о том, как он когда-то писал пьесу для Варшавского сиротского дома, как эту пьесу исполняли мальчишки, кто и как играл ту или иную роль и

даже какая судьба постигла родителей юных актеров Мы узнаем о жене автора Хане об их детях о возрасте и характере каждого из трех сынов и, о мужественном поведении Ханы в дни немецкой оккупации Польши — о ее решении взять на себя ответственность за судьбу мальчиков лишь бы предоставить мужу хоть какой то шанс на спасение Мы узнаем о гибели семьи,— поэт не щадит ни себя, ни нас Каценельсон рассказывает о юденратах и о председателе правления общины покончившем с собой о невообразимой деятельности еврейских «полицаев», о восстании в Варшавском гетто и некоторых его руководителях и героях, о возвращении спасшихся, казалось бы, евреев беглецов к себе домой — чтобы умереть там где выросли их дети и внуки Всё это — достоверные свидетельства человека, испытавшего каждую леденящую кровь деталь каждый эпизод своего изложения.

Поразительно, однако вот что. перед нами в то же время поэма, построенная на основе строгаиших законов художественной гармонии, пятнадцать песен по пятнадцать строф в каждой, 15 × 15 = 225 Первые восемь песен состоят из четверостишии с перекрестными рифмами, причем почти все рифменные окончания — мужские, вторая половина поэмы — семь песен, содержащих восьмистрочные строфы, в которых рифмуют четвертая строка с восьмой Каждая песня посвящена отдельной теме, каждая обладает сюжетно-тематической и образной целостностью. В зависимости от тем и сюжетов видоизменяется поэтический стиль некоторые песни выдержаны в духе торжественной библейской патетики другие — в духе повествовательной разговорности, третьи обладают чертами лирического стихотворения, четвертые построены по законам драмы Всё это разностилье сливается в эпическом единстве «Сказания», оно восходит в конечном счете к Дантовой «Божественной Комедии», с которой поэму Ицхака Каценельсона роднят и соединение документальной основы с поэтическим вымыслом, и гармоническое совершенство художественной композиции, и взрывчатое сочетание разных, порою противоречивых, речевых стилей

* * *

Переводя я стремился воспроизвести по-русски все эти особенности еврейского подлинника. Строфика «Сказания» повторяет оригинал, однако, следуя требованиям классической русской традиции, я придаю метрико-ритмической структуре большую регулярность (в этом отношении ориентируясь на опыт Н. Заболоцкого, переводчика «Слова о полку Игореве»). Одной из моих главных забот было — воссоздать многообразную ассоциативность поэмы, в которой звучат то пафос пророков Иезекииля и Исаии, то голос Хаима Нахмана Бялика автора поэмы о Кишиневском погроме 1903 года, то интонации Шолом-Алейхема, то ритмы Саула Черниковского. Эти ассоциации могут дойти только до хорошо подготовленного читателя (например, читающей песнь девятую, адресованную «Небесам», должен вспомнить поэму Бялика в переводе В. Жаботинского: «Небеса, если в вас, в глубине синевы / Еще жив старый Бог на престоле...»); однако переводчик льстит себя надеждой, что они — дойдут.

* * *

Особая благодарность — Арно Лустигеру, автору ценных исследований о сопротивлении евреев нацистскому террору, он взял на себя немалый труд по транслитерации текста поэмы латинским шрифтом. Эту работу А. Лустигер исполнил для немецкого поэта-песенника Вольфа Бирмана, которому я выражаю благодарность за немецкий поэтический перевод, до некоторой степени облегчивший мою задачу, и за статьи о жизни и творчестве Ицхака Каценельсона, одну из них я счёл целесообразным перевести на русский и, включив в настоящее издание, предложить вниманию русского читателя.

Сказание
об истребленном
еврейском народе

Dos lied
vunem ojsgehargetn
jidischn volk

Handwritten text in Yiddish, likely lyrics or a commentary related to the song mentioned in the title. The text is written diagonally across the bottom right corner of the page.

